

DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-65-87

Елена Николаевна НИКИТИНА

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
elenanikitina@bk.ru

Арктические трансформации: ТНК перед новыми вызовами устойчивого развития

АННОТАЦИЯ. Каково воздействие происходящих трансформаций в арктическом регионе – глобального потепления, социально-экономических и институциональных изменений – на интернационализацию в Арктике и деятельность ТНК в полярных районах арктических стран? Какова роль ТНК в устойчивом развитии этих регионов и прежде всего в обеспечении благосостояния северян? В статье делается попытка ответить на эти вопросы и обсудить новые подходы к проблеме устойчивого развития в Арктике – регионе с крайне уязвимой и суровой природой, крупными запасами природных ресурсов, уникальными особенностями человеческого потенциала, динамично развивающейся экономикой, инфраструктурой и активным вовлечением его в мировое хозяйство. Главный акцент – на оценке социального компонента в треугольнике взаимосвязанных приоритетов устойчивого развития – социальных, экологических и экономических. Анализ показал, что последствия системных трансформаций формируют новый контекст для деятельности ТНК, которые вынуждены адаптировать к нему свои корпоративные стратегии в Арктике. Северные регионы активно включаются в интернационализацию, значительная часть

их ВРП производится предприятиями, контролируемые ТНК. Оценки роли ТНК для местного населения и устойчивого развития неоднозначны. Они способствуют модернизации экономики и инфраструктуры, созданию здесь рабочих мест, размещению заказов у местных производителей, развитию человеческого потенциала; в ряде стран происходит укрепление контроля местного населения за деятельностью многонациональных корпораций (США, Канада). Одновременно возникают серьезные социально-экономические дисбалансы, в том числе социальные диспропорции и стратификация населения, а также вызовы для традиционной деятельности и природы. Вклад арктических регионов в мировую экономику сейчас почти в пять раз выше, чем их доля в численности мирового населения. Получение социальной лицензии от северян, реализации корпоративной социальной ответственности становятся популярными инструментами, используемыми ТНК для обеспечения своих операций в Арктике. Укрепляется взаимодействие государства и ТНК, диверсификация форм государственного регулирования их доступа к природным ресурсам и инфраструктуре. Исследование проведено на основе изучения опыта зарубежных арктических

стран, богатых минеральными и энергетическими ресурсами – США, Канады и Норвегии; их подходы и практика могут представлять интерес для России и ее северных регионов. В заключении обобщаются новые научные концепции адаптационного управления устойчивым развитием и его инклюзивности в контексте взаимодействия трансформирующихся природных и общественных систем в Арктике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Арктические страны, ТНК, последствия изменения глобального климата, трансформация природных и общественных систем, интернационализация, регионализация, корпоративная социальная ответ-

ственность, адаптационное управление, полицентризм, устойчивое развитие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никитина Е.Н. (2018). Арктические трансформации: ТНК перед новыми вызовами устойчивого развития. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 11 (1). 65-87. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-65-87

Исследование выполнено в рамках Программы комплексных фундаментальных научных исследований ОГПИМО РАН «Дисбалансы современного миропорядка и Россия» (Проект «Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира»).

DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-65-87

Elena N. NIKITINA

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
elenanikitina@bk.ru

Arctic Transformations: Multinational Companies Facing the New Challenges of Sustainable Development

ABSTRACT. *What is the impact of the ongoing transformations in the Arctic region – global warming, socio-economic and institutional changes – on internationalization in the Arctic and the activities of multinational companies in the polar regions of the Arctic countries? What is the role of multinational companies in the sustainable development of these regions, including the ensuring of the welfare of the northerners? The article attempts to answer these questions and discuss new approaches to the*

problem of sustainable development in the Arctic region with its extremely vulnerable and severe nature, large reserves of natural resources, unique human potential, dynamically developing economy, infrastructure and active involvement in the world economy. The main emphasis is on the assessing of the social component in the triangle of the interrelated priorities of sustainable development – social, environmental and economic. The analysis showed that the consequences of systemic transformations

form a new context for the activities of multinational companies, which have to adapt their corporate strategies to the Arctic specifics. The northern regions are actively involved in internationalization; a significant part of their GRP is produced by enterprises controlled by multinational companies. Assessments of the role of multinational companies for the local population and sustainable development are mixed. Such companies help to modernize the economy and infrastructure, create jobs, place orders with local producers, and develop human potential. In a number of countries, the control of the local population over the activities of multinational corporations (USA, Canada) is strengthening. At the same time, serious social and economic imbalances arise, including social disproportions and stratification of the population, as well as challenges for traditional activities and nature. The contribution of the Arctic regions to the world economy is almost five times higher than their share in the world population. Obtaining a social license from the northerners, implementing corporate social responsibility is becoming a popular instrument used by multinational companies to support their activities in the Arctic. The interaction between the state and multinational companies is strengthening, and the forms of state regulation of the access to natural resources and infrastructure are being diversified. The study is based on the analysis of the practices of foreign Arctic countries, rich in mineral and energy resources – the USA, Canada and Norway; their approaches and practices may be of interest to Russia and its northern regions. In conclusion, new scientific concepts of adaptive governance of sustainable development and its inclusiveness in the context of the interaction between transforming natural and social systems in the Arctic are summarized.

KEYWORDS: Arctic countries, multinational companies, consequences of global

climate change, transformation of natural and social systems, internationalization, regionalization, corporate social responsibility, adaptive management, polycentrism, sustainable development

FOR CITATION: Nikitina E.N. (2018). Arctic Transformations: multinational companies facing the new challenges of sustainable development. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 11 (1). 65-87. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-65-87

ACKNOWLEDGMENTS: *The research is done under the complex program of fundamental studies of the Subdivision of global problems and international relations of the Russian Academy of Sciences “Imbalances of the modern world order and Russia” (Project “Economic and social imbalances in macroregions of the modern world”).*

Введение

В настоящее время достаточно рельефно прослеживаются все более серьезные трансформации в арктическом регионе, происходящие под влиянием совокупности глобальных и локальных драйверов. Среди основных: 1) глобальное потепление климата; 2) социально-экономические изменения; 3) трансформации институциональных систем на национальном и международном уровнях. Последствия системных изменений имеют синергический эффект для устойчивого развития полярных районов, которое предполагает тесное взаимодействие социальных, экономических и экологических приоритетов развития. Это особо актуально для Арктики – уникального региона с крайне уязвимой и суровой природой, крупными запасами энергетических, минеральных и живых ресурсов, особенностями человеческого потенциа-

ла, динамично развивающейся экономикой и инфраструктурой и все более активным вовлечением его в мировое хозяйство. Рост интернационализации Арктики, расширение деятельности ТНК, воздействие геополитики и глобальных факторов на изменения в арктических системах являются составной частью происходящих здесь трансформаций и обуславливают новые вызовы для благосостояния северян, природы, инклюзивного развития северных территорий. Сейчас открываются новые возможности по использованию экономических, экологических, политических и социальных выгод от глобализации для формирования устойчивого и безопасного региона и расширения международного сотрудничества (Иванов, 2013); современный международный режим в Арктике служит тому важной основой. Эта новая тенденция, пришла на смену ранее действовавшему здесь «секторальному принципу» и основанному на нем монопольному контролю приарктических государств за доступом к деятельности на морских пространствах региона.

Вместе с тем в результате глобализации вырисовываются риски углубления социально-экономических дисбалансов для отдельных групп населения, секторов экономики и территорий. Последствия арктических трансформаций и особенности развития северных регионов восьми арктических стран находятся в фокусе корпоративных стратегий ТНК, работающих за полярным кругом. Существующие оценки роли ТНК в устойчивом развитии Арктики достаточно противоречивы (Кузнецов, 2016). Особый интерес представляет, на наш взгляд, анализ их роли в социально-экономической модернизации регионов, в обеспечении благосостояния северян и качества жизни, а также оценка сопутствующих проблем. Поэтому при ис-

следовании значения их деятельности в Арктике особое внимание уделяется социальному контексту.

Адаптация общества к новым вызовам, приспособление к последствиям происходящих системных изменений становятся неизбежными (Pahl-Wostl et al., 2012): это прослеживается на всех уровнях, а также со стороны всех стейкхолдеров, чья деятельность связана с устойчивым развитием Арктики. Поиск новых парадигм для адапционного управления с учетом арктических особенностей становится лейтмотивом при оценке возможных последствий трансформаций и вариантов ответов на них. Без серьезных прорывов в дизайне интегрированных и полицентричных режимов инклюзивного управления новыми вызовами с участием всех заинтересованных сторон, тесного взаимодействия и партнерства «власть-бизнес-северяне» вряд ли возможно обеспечение устойчивого развития в Арктике в целом и при освоении ее ресурсов в частности (Симония, 2011).

Анализ проведен на основе оценки тенденций трансформаций для восьми арктических стран в целом в сочетании с более детальным изучением зарубежного опыта и роли ТНК в устойчивом развитии полярных районов арктических стран, богатых природными ресурсами – США (*Аляска*), Канады (*Юкон, Северо-Западные территории – СЗТ, Нунавут*) и Норвегии (*Финмарк, Норланд, Тромсе*). Их подходы и практика могут быть особо интересны для России – ведущей арктической державы с богатым природным потенциалом и высокими социально-экономическими показателями развития северных регионов, которая приняла прорывную национальную стратегию их инновационного развития в сочетании с дальнейшим расширением международного сотрудничества в Арктике.

Арктические трансформации: последствия для северных регионов и ТНК

1. ИЗМЕНЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КЛИМАТА

Фокус современной международной дискуссии по арктической проблематике сосредоточен на вопросах глобального изменения климата и его последствий для высоко уязвимой природы Арктики, для проживающих здесь северян и экономической деятельности. Потепление происходит в Арктике в два раза быстрее, чем в других регионах планеты. За последние 50 лет наблюдается рост температуры воздуха в полярных областях примерно на 1,5 гр. С, а к концу столетия он может составить 3-7 гр. С в зависимости от уровня будущих мировых выбросов парниковых газов. По последним оценкам экспертов Арктического Совета за последние три десятилетия площадь и толщина морского льда Северного Ледовитого океана сократилась более чем наполовину. В перспективе к 2040 г. регион может стать свободным ото льда в летние периоды¹. Изменения в климатической системе Арктики приводят к трансформациям в экосистемах моря и суши, имеющим серьезные последствия для общества.

Изменение климата может облегчить доступ к ранее труднодоступным полярным районам моря и суши. С этим связываются ожидания по освоению месторождений природных ресурсов, развитию судоходства, обслуживающей и транспортной инфраструктуры, туризма. Открываются новые перспективы для бизнеса и социально-экономического развития северных регионов с четырехмиллионным населением (в т. ч. около 10% – коренные жители),

а также для ускорения вовлечения Арктики в мировое хозяйство и расширения здесь деятельности ТНК. Изменения в природных экосистемах повлекли за собой горячую международную дискуссию относительно возможного возникновения региональных проблем и конфликтов между отдельными странами и группами интересов, вероятно «ресурсной лихорадки» и обострения конкуренции между ТНК. Однако современный режим международного регулирования в Арктике, основанный на нормах Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и системе региональных и международных соглашений по отдельным направлениям деятельности, представляет солидную основу для урегулирования противоречий и спорных вопросов.

В последнее время наблюдается некоторый сдвиг в акцентах этой дискуссии. Эйфория от новых возможностей получения доступа к арктическим богатствам сменяется более прагматичными подходами: затраты и риски, связанные с деятельностью в этих районах существенны, а перспективы освоения ресурсов и пространств пока достаточно неопределенны. Среди сдерживающих факторов: (1) динамика мирового нефтяного рынка, развитие альтернативных источников энергии, высокие затраты на разработку и транспортировку ресурсов, отсутствие эффективных технологий по ликвидации аварийных разливов нефти; (2) изменение климата в Арктике связано с ростом частоты и интенсивности экстремальных погодных явлений и штормов, оледенения судов и промысловых установок, дрейфующих льдов; (3) недостаток современной береговой инфраструктуры, включая глубоковод-

1 SWIPA: Snow, Water, Ice and Permafrost in the Arctic. Summary for Policy-makers AMAP. 2017.

ные порты, системы логистики, оперативные услуги, точные прогнозы погоды; (4) перспективы развития регулярного транзитного судоходства по Севморпути и Северо-Западному проходу, несмотря на привлекательность сокращения протяженности транспортных путей по сравнению с традиционными маршрутами, остаются достаточно неопределенными².

Воздействие изменения климата на арктические районы суши еще более многообразно, а его последствия для безопасной и комфортной жизни северян и экономической деятельности связаны с серьезными вызовами. Речь идет о неблагоприятных последствиях участвовавших природных бедствий, непогоды, наводнений, разрушения вечной мерзлоты и широко используемых зимников и ледовых дорог, береговой эрозии, повышения уровня моря, тундровых пожаров, изменений в структуре сельского хозяйства и северного животноводства³. Акцент большинства последних международных оценок изменения климата и его социально-экономических последствий в Арктике (*IPCC, AACA, SWIPA*) – на влиянии на местное население; оценки воздействия на действующие здесь промышленные компании, сектора экономики пока фрагментарны. Они показывают, что потепление влияет на население северных районов с их узко диверсифицированной экономикой и зависимостью хозяйства и образа жизни от природных условий. Особо уязвимыми оказываются жители, традиционно занятые в натуральном подсобном хозяйстве, в оленеводстве, в охоте и рыболовстве, особенно когда в результате сокращения ледово-

го покрова затрудняется доступ в районы промысла (*Climate Change, 2014*). Ожидается усиление воздействия климатических изменений на вынужденную миграцию, здоровье северян, продовольственную безопасность и структуру питания, на транспортную и обслуживающую инфраструктуру, жилищно-коммунальное хозяйство, обеспечение качественной питьевой водой (*Birkmann, von Teichmann, 2010*). В этих условиях встает вопрос об адаптации общества к последствиям трансформаций и формировании новых систем адаптационного управления (*Никитина, 2017*). Однако практический опыт во всех арктических странах пока ограничен, а оценки сопутствующих расходов на адаптацию недостаточно детализированы.

Адаптация к последствиям изменения климата в Арктике входит теперь в список факторов, которые оценивают ТНК при принятии корпоративных решений о деятельности в северных регионах и разработке их ресурсов. Так, согласно *ДеБирс*, выбор опций по эксплуатации месторождений алмазов в канадской провинции СЗТ базируется не только на учете экономических и логистических ограничений из-за особенностей Арктики, в том числе (1) удаленного расположения рудников и суровых полярных условий, (2) необходимости строительства баз для горняков в малозаселенных районах, (3) высоких затрат на зарплату персоналу, уровень которой выше по сравнению с разработками в Индии и странах Африки. Необходимость дополнительных инвестиций связана со строительством дорог для круглогодичного использования, поскольку зимники

2 Skating on thin ice. The thawing Arctic threatens an environmental catastrophe. *The Economist*. April 29, 2017.

3 AACA: Adaptation actions for a changing Arctic. Perspectives from the Bering, Beaufort and Chukchi Area. 2017.

обеспечивают транспортную доступность месторождений в течение короткого периода в 6-10 недель в год, а с потеплением продолжительность периода их эксплуатации сокращается. Наряду с этим *ДеБирс* указывает на необходимость создания в условиях разрушающейся вечной мерзлоты более сложной подземной инженерной инфраструктуры, а также на дополнительные затраты (до 50%) на регулярную откачку воды из шахт, поступающей при разрушении вечной мерзлоты и из многочисленных поверхностных оттаивающих болот и озер⁴.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Арктика все более активно вовлекается в процессы глобализации, которые ведут к серьезным трансформациям в регионе. В перспективе роль глобального фактора будет возрастать, а регион все прочнее интегрироваться в мировое хозяйство главным образом за счет поставок сырья на мировые рынки. Сейчас происходит динамичное развитие экономики полярных регионов восьми арктических стран. В последнее десятилетие темпы роста валового регионального продукта (ВРП) в Арктике в целом были выше, чем в их неполярных районах, а темпы экономического роста примерно вдвое превышали национальный рост в арктических странах⁵. В первую очередь это относится к богатым ресурсодобывающим регионам, участвующим в мирохозяйственных связях. Специфика Арктики в том, что в настоящее время вклад арктических регионов в мировую экономику почти в пять раз выше, чем их доля в численности мирового насе-

ления. Согласно различным оценкам здесь отмечается серьезный дисбаланс: на середину текущего десятилетия доля Арктики в глобальном ВВП составляла около 0,5%, а проживало здесь примерно 0,1 % мирового населения.

Особенности экономики заполярных территорий заключаются в сочетании трех главных сегментов: (1) крупномасштабной разработки природных ресурсов с преимущественной поставкой их за пределы регионов и на мировые рынки, (2) традиционного натурального хозяйства и мелкого производства товаров и услуг для местного потребления, (3) государственных бюджетных дотаций для развития инфраструктуры и социальных программ. К настоящему времени значительная часть ВРП здесь производится предприятиями, контролируемые ТНК, прежде всего, в добывающих отраслях и обслуживающей их инфраструктуре. Под воздействием мирового рынка происходит интернационализация промышленности, инвестиций и развитие международной торговли. В большинстве случаев ТНК реализуют трансграничные трансферты капитала, технологий, квалифицированной рабочей силы в полярные регионы.

Последствия интернационализации и структурных изменений экономики для местного населения и устойчивого развития северных регионов многообразны. В целом инвестиции ТНК способствуют модернизации хозяйства северных территорий и росту благосостояния северян. Однако в результате деятельности ТНК возможны серьезные социально-экономические диспропорции и социальная стратификация, что является одним из макроэкономи-

4 Dimond Mines in Canada. *Geoscience News and Information*. № 12. 2017.

5 Arctic Human Development Report. 2015. P.158.

ческих эффектов развития мировой экономики. Последствия для северян могут быть оценены, в частности, при помощи социально-экономических показателей – удельного ВРП, располагаемого дохода населения от экономической деятельности, сравнения индексов экономического развития неарктических и арктических регионов, богатых природными ресурсами, а также индексом GINI. Их совокупность показывает тенденции в развитии человеческого потенциала и благосостояния северян, а также последствия деятельности ТНК, занятых в разработке природных ресурсов, для социально-экономического развития регионов.

Валовый региональный продукт. В Арктике в середине текущего десятилетия средний ВРП на душу населения (с учетом паритета покупательной способности) превышал соответствующие удельные показатели для неполярных регионов арктических стран. Особо рельефно этот разрыв прослеживался в богатых ресурсодобывающих странах – США, Канаде и России, а формировался он главным образом за счет разработки здесь минеральных и энергетических ресурсов. В 2012 г. ВРП на душу населения достигал наиболее высоких значений в российских ЯНАО и ХМАО⁶, а также на Аляске и в канадской провинции СЗТ. Это связано главным образом с преобладанием в экономике высокодоходных ресурсных отраслей в регионах с невысокой плотностью населения. В Норвегии, Финляндии и Швеции, характеризующихся более высокой плотностью населения и диверсификаци-

ей экономики, межрегиональное соотношение значений этого показателя было обратным. В период 2000-2012 гг. в большинстве арктических стран средние годовые темпы экономического роста полярных регионов (при лидировании среди них российских ресурсодобывающих северных районов) были выше (3,2%), чем в их неарктических провинциях (2%). На Аляске, например, они почти в 2 раза превышали соответствующие показатели других американских штатов⁷.

Располагаемый доход местного населения от экономической деятельности. К середине текущего десятилетия удельные показатели располагаемого дохода населения от экономической деятельности (с учетом паритета покупательной способности) в богатых ресурсами арктических регионах США, Канады и России превышали соответствующие показатели для остальных районов этих стран; они формировались главным образом за счет высокодоходной разработки здесь минерального и энергетического сырья. В 2012 г. располагаемый подушевой доход арктических домохозяйств в Канаде, США и России был выше, чем в их неарктических районах, а его уровень – максимальным среди восьми арктических стран. Среди их северных регионов лидировали ресурсодобывающие Аляска, Юкон, СЗТ и российские ЯНАО, ХМАО и Чукотка. В остальных арктических странах отмечалось обратное соотношение, и в среднем по Арктике располагаемый доход домохозяйств был ниже, чем в их неполярных районах. Для Норвегии его значе-

6 Сравнение северных и неполярных регионов арктических стран проведено по данным норвежской региональной статистики по Арктике, которая основана на расширительном подходе, включающем в число российских северных регионов не только территории субъектов федерации, входящих в арктическую зону РФ в соответствии с Указом президента РФ, № 296 от 02.05.2014.

7 The Economy of the North 2015, Statistics Norway. Oslo. 2017. P. 31-32.

ние находилось на среднем уровне среди арктических стран.

Индекс GINI. Индекс GINI⁸ часто используется при анализе особенностей фактического распределения доходов по отдельным группам населения. Он дает возможность оценить благосостояние населения полярных регионов, богатых природными ресурсами. В середине этого десятилетия максимально равномерное распределение доходов от экономической деятельности среди населения было характерно для арктических регионов Норвегии, в то время как американские регионы, богатые природными ресурсами, отличались большей стратификацией в распределении доходов. Так, в норвежских Финмарк, Норланд и Тромсе располагаемый доход на душу населения был сравнительно невысок, но это компенсировалось развитой системой социальных гарантий, а тем самым обеспечивался соответствующий уровень благосостояния. GINI, рассчитанный для Аляски, превышал его средние значения для Арктики в целом: здесь наблюдалась самая высокая неравномерность в распределении доходов, а индекс GINI достигал максимальных значений (0,42); регионы Канады находились на уровне средних значений⁹. Считается, что высокая степень социальной стратификации может обуславливаться, в том числе различиями в уровне зарплаты персонала ТНК, занятого в энергетике и горнодобывающей промышленности, по сравнению с остальной частью местного населения, включая коренных жителей. Среди причин

могут быть и недостатки системы социальных гарантий, здравоохранения, обеспечения жильем, а также высокая стоимость жизни на севере. Определенную роль здесь может играть и коррупционная составляющая при распределении доходов от добычи ресурсов в пользу местных элит¹⁰. В последнее время все чаще обсуждаются перспективы использования индекса инклюзивного развития¹¹, включающего, в том числе, и вышерассмотренные показатели.

3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Деятельность ТНК в Арктике находится под воздействием институциональных изменений на национальном и международном уровнях, а также инноваций последних лет в государственной политике арктических стран для их северных регионов. К настоящему времени все восемь арктических стран приняли национальные стратегии развития Арктики: в них закреплены подходы к устойчивому развитию региона и международному сотрудничеству. Среди главных приоритетов – развитие экономики, современной инфраструктуры и инвестиционных проектов. Привлечение иностранных инвестиций, транснационализация, стратегические партнерства и координация действий стейкхолдеров в развитии северных территорий – одно из важных направлений в дорожных картах на перспективу. Все они основаны на максимальном обеспечении интересов местного населения, повышении благосостояния и уровня жизни северян, а

8 Индекс GINI – показатель равномерности распределения дохода среди населения конкретного региона; он может варьировать от 0 до 1, где 0 свидетельствует о равном распределении доходов, а 1 – о максимальном неравенстве (гипотетические случаи, когда доходы концентрируются у одного индивида).

9 Среди российских северных регионов, согласно индексу GINI, наибольшая неравномерность в распределении доходов отмечалась в ресурсодобывающих ЯНАО, ХМАО и на Чукотке.

10 The Economy of the North 2015. Statistics Norway. Oslo. 2017. P. 16.

11 The Inclusive Development Index 2018. Summary and Data Highlights. World Economic Forum, Switzerland.

также инклюзивности социальной составляющей арктической политики.

Так, в рамках канадской стратегии развития Арктики федеральное правительство Канады взяло на себя большой пакет обязательств по обеспечению социального и экономического развития Севера. Предусматривается совершенствование системы институтов и регулирования в полярных регионах, создание специализированного агентства по экономическому развитию Севера, развитие инфраструктуры и системы обеспечения жильем, создание рабочих мест для коренного населения. «Благополучие народов Севера – его жителей и общин – фундаментальный принцип» национальной стратегии, а для их «устойчивого развития» нужно взаимодействие с правительствами территорий и самими северянами¹². Человеческое измерение составляет основу госполитики развития канадского Севера: экономический рост в регионах дает возможность участия северян в развитии территорий. Он открывает преимущества от реализации программы «Стратегические инвестиции в экономическое развитие Севера», которая определяет систему взаимодействия между государством, местным населением и инвесторами и приоритетные социально-экономические проекты для общин коренных жителей. Так, реализация крупного *Газового Проекта Маккензи* (стоимость 16 млрд долл.) предполагает выгоды для коренного населения за счет применения новой модели инклюзивности: действующая *Группа Коренного Населения по Трубопроводам* планирует привлечение местного населения к участию в экономическом развитии территорий, обеспечивая их интересы в проекте за счет

располагаемых ими прав собственности. Относительно новый подход в государственных стратегиях для северных канадских провинций – привлечение инвестиций для развития местной инфраструктуры и систем логистики, необходимых не только для экономического развития регионов, но и с учетом обеспечения благосостояния и безопасности северного населения.

Институциональные изменения в ряде стран Арктики привели за последние десятилетия к укреплению роли местного населения в принятии решений и к законодательному оформлению прав собственности коренного населения на природные ресурсы и арктические территории (Fjellheim, Henriksen, 2006). Расширяется применение новых инструментов контроля местных стейкхолдеров за разработкой арктических природных ресурсов для мировой экономики, а также возможности оказания влияния на работающие здесь ТНК. Успехи в обеспечении контрольных функций местного населения связаны, на наш взгляд, в том числе и с особенностями системы действующих здесь развитых институтов демократии, в то время как результаты аналогичных усилий в развивающихся странах остаются менее впечатляющими. Наиболее показательных результатов в этом отношении в Арктике удалось добиться в северных провинциях Канады и на Аляске.

Канада. Серьезные институциональные изменения происходят в Канаде. В последние десятилетия осуществлялась постепенная передача с федерального уровня властных полномочий, прав и ответственности трем арктическим провинциям – СЗТ, Юкон и Нунавут с одновременным укреплени-

12 Canada's Northern Strategy Our North, Our Heritage, Our Future. URL: www.northernstrategy.gc.ca (Accessed: 12.01.2018).

ем их позиций в рамках федеративного государства. К Юкону и СЗТ уже перешел большой пакет функций по управлению водными и земельными ресурсами, минеральными запасами, по контролю за доходами и роялти от их разработки. Они закреплены в соответствующих законодательных актах провинций о передаче прав¹³. В 2014 г. провинция СЗТ получила, например, права по распределению дохода от разработки ресурсов в пользу подписавших соглашение правительства СЗТ и правительства Коренных народов.

Это было важным результатом многолетних усилий и исков местного населения по консолидации их роли и прав, включая контроль над разработкой земельных и природных ресурсов. Процесс деволюции и законодательного оформления прав и титула местного населения на ресурсы осуществлялся поэтапно. Так, на Юконе в 1990 г. было достигнуто зонтичное соглашение между правительствами Канады, Юкона и представителями 14-ти Первых Наций этой провинции; к настоящему времени одиннадцать из них имеют статус самоуправления¹⁴. В провинции СЗТ трехсторонние переговоры между представителями коренных народов, местными властями и правительством Канады по расширению местного контроля и закреплению прав на природные ресурсы и землю начался в семидесятые годы. С тех пор приняты три основных закона, оформившие земельные претензии ее территорий: Инувиалут (1984 г.), Гвичин (1992 г.) и Сахту Дене (1993 г.), в то время как переговоры по детализации основ их самоу-

правления продолжаются. В 2003 г. было достигнуто соглашение по контролю над природными ресурсами и самоуправлению района Тличо. Сейчас идут переговоры и разработка соглашений с участием местных организаций из центральных и южных районов провинции СЗТ.

Процесс трехсторонних переговоров между центральным правительством, органами власти провинций Канады и местным населением становится все более активным, проводятся регулярные консультации с участием всех местных стейкхолдеров, включая представителей коренных народов. Расширяется и перечень главных направлений совместных стратегий устойчивого развития территорий, в который теперь включается использование и сохранение водных ресурсов, экономическое развитие, проблемы бедности, здравоохранение и др. Правительства коренных народов уделяют все большее внимание мониторингу и контролю за реализацией их законодательно оформленных прав. Создаются специальные организации по контролю за деятельностью ресурсодобывающих компаний и за применением на практике закрепленных в корпоративных программах инновационных инструментов по развитию местной экономики и бизнеса. Среди них, например, Группа коренных народов по трубопроводам (*Aboriginal Pipeline Group*), Северная бизнес-ассоциация коренных народов (*Northern Aboriginal Business Association*).

США. Большая часть территории американского штата Аляска расположена в Арктике, а земли находятся в

13 GNWT (Government of the Northwest Territories). Devolution of Lands and resources in the Northwest Territories. 2015. URL: [http://www/statsnwt.ca](http://www.statsnwt.ca) (Accessed: 12.01.2018); INAC (Indian and Northern Affairs Canada) Yukon Devolution. Indigenous and Northern Affairs Canada. 2013. URL: <http://www.aadnc-aadnc.gc.ca/eng> (Accessed: 12.01.2018).

14 CYFN (Council of Yukon First Nations) Umbrella Final Agreement. Council of Yukon First Nations. 2015. URL: <http://cyfn.ca/agreements/umbrella-final-agreement/> (Accessed: 12.01.2018).

смешанной собственности – государственной и региональных корпораций коренных народов¹⁵. В итоге действует достаточно сложная система управления разработкой природных ресурсов, экономическим развитием, охраной природы и социальными вопросами. В 1971 г. был принят акт по Урегулированию иска местного населения Аляски (*Alaska Native Claims Settlement Act*), кодифицирующий претензии местного населения на земли штата; он был направлен, в том числе, на урегулирование территориальных конфликтов при сооружении трансалюаскинского нефтепровода. Он удовлетворил иски на землю путем формирования тринадцати региональных корпораций коренных жителей, в дополнение к более чем 200 корпораций деревень¹⁶, которым в совокупности было передано земель площадью около 45 млн акров и перечислено 1 млрд долл.

Корпорации деревень получили права собственности на поверхность земель, а региональные корпорации – права на их поверхность и недра; такая дифференциация титула собственности имела серьезные последствия для ТНК как потенциальных инвесторов и разработчиков недр. Поскольку региональным корпорациям стали принадлежать права на недра, включая залегающие там ресурсы, они теперь могут распоряжаться и частью доходов от их разработки. При этом корпорации деревень претендуют на получение налоговых поступлений от добычи и промышленной деятельности на принадлежащих им землях. Корпорации полу-

чили право инвестировать имеющиеся в их распоряжении финансовые ресурсы на территории штата и за его пределами. Местные акционеры могут использовать получаемые дивиденды в виде прямых выплат, а также для создания новых рабочих мест, обучения, охраны природы, сохранения культурного наследия, управления земельным фондом, экономического развития территорий и оплаты юридических услуг. В 2015 г. общий доход региональных корпораций Аляски составил 8,7 млрд долл., а чистая прибыль 241 млн долл.; дивиденды акционеров исчислялись в 167 млн долл., а выплаты некоммерческим организациям коренных жителей в 16 млн долл.¹⁷. Каждая региональная корпорация участвует в реализации федеральных программ в области здравоохранения, жилищного хозяйства и социальных услуг коренным жителям.

Еще одна серьезная институциональная инновация в управлении природными ресурсами была связана с принятием в 1980 г. конгрессом США закона о сохранении земель Аляски, представляющих национальный интерес (*Alaska National Interest Lands Conservation Act, ANILCA*). В соответствии с ним 104 млн акров федеральных земель получили статус охраняемых территорий в рамках американской системы консервации земель, в том числе с наделением в соответствии с ней территорий в 56 млн акров максимальным заповедным статусом. С 2017 г. с приходом к власти администрации Д. Трампа наблюдаются изменения в национальных стратегиях ос-

15 Около 60% территории Аляски находится в федеральной собственности, 28% – принадлежит штату, 12% – местным корпорациям, 1% – частным лицам.

16 Коренным жителям предоставлено право стать членами корпорации деревень и получить их акции, а также членами одной из региональных корпораций.

17 ANCSA Economic Report 2015. URL: http://ancsaregional.com/wp-content/uploads/2013/12/2016-ANCSA_Economic_Report.pdf (Accessed: 18.01.2018).

воения арктических нефтегазовых ресурсов, сопровождающиеся возможным пересмотром ряда положений этого закона. Это окажет влияние на сложившуюся конфигурацию взаимодействия между государством, местными властями, коренным населением и нефтегазовыми ТНК.

Новые контуры деятельности ТНК в Арктике

В условиях глобализации арктические регионы все интенсивнее включаются в мирохозяйственные связи, и значительная часть их ВРП производится предприятиями, контролируемые ТНК. ТНК заняты здесь в ведущих секторах экономики, и прежде всего в нефтегазовой и горнодобывающей промышленности, в производстве драгоценных, редких и цветных металлов, на транспорте и в создании обслуживающей инфраструктуры. В их числе такие ведущие нефтегазовые корпорации, как *Эксон Мобил*, *Коноко Филлипс*, *ВР*, *ЭНИ*, *Статойл*, входящие в список крупнейших мировых компаний Fortune Global 500. Среди них и горнодобывающие *ДеБирс*, *Рио Тинто*, *Доминион Даймонд*, участвующие в разработке алмазов и золота в северных провинциях Канады, *Кинросс* – в золотодобыче Канады и на Чукотке. На долю ТНК приходится значительная часть промышленного производства полярных регионов, и прежде всего освоения

и разработки их природных ресурсов. Они являются главными драйверами в интернационализации арктических регионов.

Новая тенденция последних лет – активная, а скорее, агрессивная стратегия участия китайских государственных ТНК в судоходстве¹⁸, нефтегазодобыче, развитии обслуживающей инфраструктуры и прямых иностранных инвестициях в арктических регионах. Они проявляют интерес к инвестициям в Канаде, США, России и на Шпицбергене. Так, в условиях западных санкций в отношении России две китайских государственных ТНК уже участвуют в проекте Ямал СПГ-1, а недавно Новатек подписала соглашение с Китайской Национальной Нефтяной Компанией (*Chinese National Petroleum Company*) и Китайским Банком Развития (*China Development Bank*) о сотрудничестве по проекту СПГ-2¹⁹. Такая экономическая стратегия китайских ТНК является элементом современной государственной политики неарктического государства – Китая, направленной на глобализацию, включение полярных районов в сферу своих интересов, обеспечение доступа к ресурсам и пространствам Арктики на долгосрочную перспективу²⁰.

Инновацией в интернационализации в арктическом регионе представляется деятельность местных суверенных фондов, сформированных за счет поступлений от освоения энергетических ресурсов. Интересный пример –

18 В конце 2017 г. китайский ледокол «Снежный Дракон» успешно завершил первый уникальный трансарктический переход, совместив маршрут по российскому Северному морскому пути и канадскому Северо-Западному проходу. Национальная судоходная компания COSCO заинтересована в строительстве глубоководного порта на Сев. Двине вблизи Архангельска и железной дороги к нему для поставок природных ресурсов Сибири – в качестве сегмента будущего крупномасштабного проекта *One Belt – One Road* (стоимостью 5 трлн долл.) по созданию современной инфраструктуры и транспортной системы, соединяющей Азию и Европу.

19 Financial Times. November 1, 2017.

20 В 2013 г. Китай наряду с другими 11 неарктическими странами получил статус наблюдателя в Арктическом Совете, а в арктической политике позиционирует себя как «околоарктическое государство».

созданный в 1976 г. во время нефтяного бума Постоянный Фонд Аляски (*The Alaska Permanent Fund*), куда поступает часть роялти и налогов от разработки нефти для компенсации возможных последствий от падения цен и сокращения ее добычи. К 2016 г. его активы достигли 53 млрд долл.²¹. В настоящее время его ежегодные доходы составляют около 2,5 млрд долл., половина из которых выплачивается в виде дивидендов местному населению (в 2015 г. по 2072 долл. на каждого жителя)²². Остальная часть по решению властей штата может инвестироваться в местные проекты развития; конституцией наложен запрет на расходование средств из его основного фонда. В интересах будущих поколений Аляски они достаточно успешно инвестируются за пределами штата, преимущественно за рубежом. Тем самым он свободен от популистского давления местных властей по финансированию политически значимых, но не всегда прибыльных местных проектов. Управление его портфелем осуществляется вне зависимости от властей штата, а основная цель фонда, который не является банком развития, состоит в получении доходов, используемых для устойчивого развития Аляски через сеть специализированных агентств по экономическому развитию²³.

Оценки роли многонациональных компаний для арктических регионов неоднозначны. С одной стороны, согласно широко распространенному подходу оппонентов интернационализации Арктики, деятельность ТНК здесь рассматривается в качестве се-

рьезного вызова и угрозы для уникальной и легкоуязвимой арктической природы и для местного населения, занятого в традиционной экономике – охоте, рыболовстве, оленеводстве и натуральном хозяйстве. Указывается и на возможные риски чрезвычайных ситуаций с аварийными разливами нефти в условиях отсутствия эффективных технологий устранения ущерба. В качестве примера обычно приводится серьезная авария 2006 г. на газопроводе ВР в западной части Прадхо Бей, сопровождавшаяся разливом нефти (267 тыс. галлонов); в 2007 г. суд признал ВР виновной, потребовав выплаты 25 млн долл. в виде штрафа и компенсации за причиненный ущерб штату Аляска в размере 255 млн долл.

С другой стороны, позитивно оценивается роль ТНК в модернизации местной экономики, развитии инфраструктуры и транспортной сети. Отмечается заинтересованность многих северных регионов в привлечении прямых иностранных инвестиций. При осуществлении международных проектов открываются новые возможности по размещению заказов на поставки у местных производителей, а также по созданию дополнительных рабочих мест, обучению местного персонала и передаче знаний, современных методов управления. Однако на многих арктических предприятиях ТНК доля местного населения невелика; в основном на них занят квалифицированный персонал на основе вахтового метода. Положительно оцениваются и возможности доступа к передовым технологиям глобальных ТНК в различных социаль-

21 The Economy of the North, 2015. Statistics Norway. Oslo. 2017. P. 42.

22 За время существования Фонда общий размер выплаченных дивидендов каждому жителю Аляски составил к 2015 г. по 55 тыс. долл.

23 Среди них: Корпорация по возобновляемым ресурсам Аляски, Управление промышленного развития и экспорта Аляски, Финансовая корпорация Аляски по жилищному строительству, Фонд науки и технологий Аляски, Управление энергетики Аляски, Корпорация Аляски по развитию воздушного сообщения.

но-ориентированных отраслях, включая новые технологии коммуникаций, транспорта, логистики, инфраструктуры, распространения товаров и услуг населению.

Неоднозначно и отношение местного населения к роли ТНК в полярных регионах. В нем сочетаются два подхода: (1) «разработка местных природных ресурсов может быть связана с отрицательными экологическими последствиями и рисками для традиционной деятельности», но одновременно она (2) «открывает новые возможности для экономического развития северных территорий». Вопреки широко распространенному мнению, о том, что коренные жители – активные противники разработки нефтегазовых ресурсов северных регионов, существует и диаметрально противоположный подход. Так, согласно одному из недавних опросов общественного мнения на Аляске в 2016 г., значительная часть ее населения высказалась за разработку нефтегазовых ресурсов: более двух третей жителей (76%) поддерживают их разработку, и еще большая часть (88%) указывает на ее положительные последствия для экономики штата²⁴. Сейчас их главный приоритет – как лучше обеспечить контроль и получение справедливой доли от прибыли ТНК при разработке нефтяных ресурсов штата. Поэтому, например, практика суверенного Постоянного Фонда Аляски и возможность получения каждым жителем ежегодных дивидендов пользуются широкой поддержкой населения. С другой стороны, постоянные участники Арктического Совета от организаций коренных народов зачастую критически выступают по отношению к деятельности ТНК в полярных регионах, указы-

вая на отрицательные последствия для традиционной экономики и обеспечения прав коренного населения. Впрочем, такой подход может быть оценен и как их согласованная позиция, используемая для лоббирования в международных переговорах.

В последние годы намечаются новые подходы к регионализации экономической деятельности в Арктике и в формировании благоприятного режима для развития мирохозяйственных связей. Недавно в рамках Арктического Совета создан Арктический Экономический Совет, работа которого направлена на расширение регионального сотрудничества между представителями бизнеса, а также на содействие обмену опытом и хорошими практиками между ведущими компаниями, работающими в регионе. Предполагается, что курс на расширение экономического сотрудничества в Арктике станет важным сигналом для ТНК по развитию их арктических корпоративных стратегий и интернационализации экономики региона, а также созданию партнерств с местными стейкхолдерами, в том числе и с малым бизнесом.

ТНК-государство

В большинстве северных регионов происходит укрепление взаимодействия государства и ТНК. Ряд зарубежных аналитиков положительно оценивает роль ТНК в обеспечении экономической безопасности и формальной интеграции на уровне региональных государственных органов. Указывается, что корпоративные и национальные интересы, а также приоритеты местных властей переплетаются наиболее

24 Turner J. Drilling the Arctic: Will native Alaskans succeed where others have failed? *Arctic Now*. November 22, 2017.

тесно, а взаимодействие между ТНК и государством по такому приоритетному направлению как экономическая безопасность наиболее прочно. Считается, что ТНК содействуют экономическому развитию полярных регионов за счет прямых инвестиций, поступлений в региональные бюджеты в виде роялти и налогов от разработки природных ресурсов и доходов от экспорта, а также пополнению федерального бюджета. За ТНК признается роль оказания политического и экономического влияния на развитие полярных районов. Американские аналитики отмечают, что поскольку годовые финансовые активы *Роял Датч Шелл*, *Эксон Мобил* и *BP* превышают размер ВВП многих арктических регионов их деятельности, велика вероятность оказания с их стороны давления на политику властей; а государство в свою очередь поддерживает их присутствие в заполярных районах²⁵.

Поддержка ТНК государством четко проявляется, например, во взаимоотношениях между правительством Аляски и федеральным правительством, с одной стороны, и действующей здесь «Большой Тройкой» (*Big Three*) нефтяных мейджеров – *Коноко Филлипс*, *BP* и *Эксон Мобил*. Они фактически рассматриваются в качестве монополии, контролирующей все стадии освоения и транспортировки ресурсов Северного Склона, что открывает для каждой из них конкурентные преимущества перед независимыми компаниями. «До тех пор пока эти три мейджера осуществляют инвестиции, необходимые для разведки и разработки, власти штата согласны на последствия такой олигополии. С момента,

когда мейджеры не захотят вкладывать достаточные капиталы, штату придется искать других инвесторов», – прагматично считает бывший директор Государственного управления по нефти и газу М. Майерс. Согласно недавнему заявлению президента *BP-Аляска*, «следует иметь в виду, что на Аляске присутствуют три глобальных компании, перед которыми лежит список из лучших мировых опций, и мы выбираем лучшие из них. Привлекательная налоговая система содействует выбору»²⁶. А правительство Аляски признает политический и экономический вес «Большой Тройки». Поддержка ТНК государством характерна и для других заполярных территорий. Недавно федеральное правительство Канады все-таки одобрило достаточно противоречивый проект корпорации *Сабина Голд* по разработке золотоносных приисков в провинции Нунавут. Этому предшествовала длительная конфронтация с жителями из-за риска отрицательного воздействия на экологию и пастбища для оленеводства, представляющие для них главный приоритет; отмечается, что проектное предложение было доработано по итогам обсуждения с местными населением²⁷.

Доступ ТНК к арктическим ресурсам и территориям и потоки прямых иностранных инвестиций регулируются политикой государства и применяемыми инструментами налогообложения и лицензирования, которые используются либо для создания благоприятного инвестиционного климата, или же для ограничения доступа. Так, на Аляске создан достаточно привлекательный для ТНК режим налогообложения, который несколько отлича-

25 Backus G., Strickland J. Climate-Derived Tensions in Arctic Security. SANDIA Report, SAND2008-6342.

26 Cole D. Alaska's Big Three oil companies prefer limited competition. *Alaska Dispatch News*. September 27, 2016.

27 Canada's federal government approves controversial Nunavut gold mine. *Nunatsiaq News*. December 13, 2017.

ется от других штатов. Правительство Норвегии планирует внести поправки в действующую систему налогообложения для привлечения крупных нефтяных компаний к работе на заполярных морских месторождениях²⁸. Происходящие институциональные инновации в арктических странах, включая расширение ответственности местных властей и местных организаций, способствуют укреплению их роли в контроле за освоением ресурсов и приводят к увеличению доли ресурсной ренты и прибыли, остающихся в распоряжении регионов. Законодательно оформленные права собственности коренных жителей на землю и недра становятся важными инструментами. Аналитики прослеживают влияние применяемых механизмов регулирования в северных провинциях на взаимосвязь местной и мировой экономики. Специфика природоохранного регулирования, а также региональных экологических норм и стандартов в Арктике также используются для воздействия на инвестиционную активность.

Однако приоритеты государственной политики в ряде случаев могут кардинально изменяться, открывая новые опции для ТНК. На Аляске, например, введенные ранее ограничения на доступ к богатым нефтегазовым ресурсам с целью их консервации, в настоящее время пересматриваются новой администрацией США. В первую очередь это касается изменений в подходах правительства к предыдущему запрету на деятельность в двух заповедных районах Аляски – в Арктическом Национальном Заповеднике Дикой Природы (*Arctic National Wildlife Refuge, ANWR*) и Национальном Энергетическом Ре-

зерве (*National Petroleum Reserve-Alaska, NPRA*)²⁹. В настоящее время разрабатываются процедуры, облегчающие доступ компаний к получению лицензий на поисково-разведочные работы. Согласно недавней резолюции сената США по бюджету, принятой в октябре 2017 г., предусматривается лицензирование на заповедных и резервных территориях в качестве меры для увеличения финансовых поступлений в федеральный бюджет с последующим внесением изменений в налоговое законодательство.

Недавно несколько ТНК уже получили лицензии на разведочное бурение в прибрежных районах Аляски. Так, летом 2017 г. итальянская нефтегазовая компания ЭНИ получила разрешение от федерального Бюро по управлению энергетикой в морских районах на разведочное бурение в ANWR в федеральных водах моря Бофорта у побережья Аляски. Параллельно проводятся торги и лицензирование участков NPRA в западной части Сев. Склона Аляски (на федеральных морских и наземных участках, а также на территории штата). Наибольшую активность здесь проявляет корпорация *Корноко Филлипс*, реализующая агрессивную поисково-разведочную стратегию и планирующая удвоение числа производственных скважин по сравнению с ранее предполагавшимся. Рассматриваются и варианты участия китайских ТНК.

Эти действия вызвали незамедлительную реакцию со стороны политической оппозиции, природоохранных организаций и сторонников устойчивого развития в Арктике, а при голосовании этого вопроса разделились даже голоса

28 Doyle A. Norway defends tax deductions on Arctic drilling. *Reuters*. September 7, 2017.

29 При администрации Обамы был наложен запрет на разведочные работы на большей части территории Аляски; в 2016 г. Департамент США по внутренним делам вынес запрет на бурение в море Бофорта и Чукотском море.

республиканцев. В частности, подчеркивалось, что «арктический заповедник – это не финансовое учреждение, а буровые работы здесь не могут компенсировать последствия недавнего решения сената о сокращении налоговых выплат»³⁰, и были выдвинуты требования не открывать заповедные территории для промышленной деятельности. Основной аргумент связан с серьезными рисками для местного населения, уязвимой арктической природы и катастрофическими последствиями от возможных аварийных разливов нефти. Интересно, что среди сторонников нового режима лицензирования выступала сенатор от Аляски, республиканка Л. Мурковски: она подчеркивала, что новый режим лицензирования для энергетических ТНК на заповедных участках ANWR может принести федеральному бюджету около 1 млрд долл. дополнительных поступлений, содействовать созданию новых рабочих мест, местному финансированию, экономическому росту, доступности энергообеспечения населения и укреплению национальной безопасности³¹.

Особенности взаимодействия государства и ТНК в Норвегии могут быть проиллюстрированы на примере деятельности национальной нефтегазовой компании *Статойл* (*Statoil*). Это вертикально интегрированная энергетическая корпорация с международными операциями в 36 странах в сочетании с активной деятельностью на континентальном шельфе Норвегии, где она является главным оператором с начала восьмидесятых годов XX века. *Статойл* – одна из крупнейших миро-

вых энергетических компаний (в 2014 г. активы 104 млрд долл.)³²; доля государства в ней составляет 67%, а 3% – государственного пенсионного фонда Норвегии. Основной акцент во взаимодействии государства и *Статойл* определяется государственными приоритетами по обеспечению технологического превосходства и компетенции Норвегии в разработке нефтегазовых ресурсов континентального шельфа, укреплению национальной нефтегазовой промышленности и достижению энергетической безопасности за счет инновационного развития этой глобальной ТНК. Она пользуется поддержкой государства, а цели и интересы государства и этой национальной компании во многом совпадают. От *Статойл* требуется обсуждение и согласование приоритетных вопросов с министерством энергетики Норвегии, ежегодное предоставление норвежскому парламенту отчетов о своей деятельности. Ее особенностью, в отличие от многих мировых нефтегазовых ТНК, является развитый экологический профиль. Так, в последние годы она реализует высокотехнологичные проекты по созданию хранилищ двуокси углерода, утилизируемого при добыче природного газа. А на основе оценки международным специализированным рейтинговым агентством ее стратегии устойчивого развития, *Статойл* была признана в 2016 г. «ведущим мировым производителем нефти и газа с точки зрения принципов устойчивости»³³. Охрана природы входит составной частью в ее программу устойчивости и корпоративной социальной ответственности.

30 Rosen Y. The US Senate just passed a budget resolution that brings oil drilling in Alaska's Arctic refuge a little closer to reality. *Arctic Now*. October, 20, 2017.

31 US Senate passes measure to open Arctic refuge to drilling as part of tax overhaul. *Arctic Now*. December 2, 2017.

32 Statoil Annual Report. 2016. URL: www.statoil.com (Accessed: 18.01.2017).

33 Emisoft Client Statoil Ranked No. 1 by CDP. *Emisoft*. 2016. URL: www.emisoft.com (Accessed: 12.01.2018).

Корпоративная социальная ответственность

Программы *корпоративной социальной ответственности* (КСО), практикуемые в деятельности ТНК в арктических регионах, становятся одним из популярных инструментов по обеспечению здесь устойчивого развития. КСО – это пакет социальных и природоохранных обязательств компаний, добровольно принимаемых по отношению к местному населению и охране природы в районах их деятельности. Он используется в качестве механизма корпоративного саморегулирования и не регламентирован государственными актами; является дополнительным к обязательному выполнению ТНК требований действующего национального законодательства и международных норм. Реализуя стратегии КСО, корпорации делают следующий шаг и предпринимают действия сверх уже зафиксированных обязательств в социальной сфере перед местным населением и ставят перед собой более высокую планку в реализации экологических стандартов. Они предоставляют регулярную корпоративную отчетность о своей социальной и природоохранной деятельности в рамках отчетов по устойчивому развитию. Пока не существует единого формата корпоративной отчетности по устойчивому развитию. На международном уровне предпринимаются меры по ее стандартизации, утвержден ряд инициатив, в том числе Глобальная инициатива по отчетности (*GRI*), Глобальный договор ООН с его десятью базовыми принципами, Руководство по отчетности в области устойчивого развития, ИСО 14000 и др. Помимо получения «социальной лицензии» от местного населения, этот инструмент обычно используется крупными корпорациями по всему миру для укрепления конку-

рентоспособности и ответственности бизнеса.

Во многих случаях результаты деятельности ТНК в северных регионах находятся в прямой зависимости от успехов в получении «социальной лицензии» от местного населения: компании предлагают конкретные действия в обмен на согласие на реализацию их промышленных проектов (Никитина и др., 2015). Стремление снизить возможные проявления оппозиции местного населения по отношению к действиям ТНК по разработке природных ресурсов служит в качестве одного из главных мотивов КСО. В противном случае для них неизбежны конфликты, трудности и дополнительные издержки в реализации промышленных проектов. Обычно компании стремятся завоевать расположение местных жителей путем диалога и консультаций, обсуждения насущных местных проблем, а также за счет пиара своей репутации и позитивного имиджа. В рамках такого диалога успехи бизнеса связываются с модернизацией населенных пунктов, с улучшением качества жизни, повышением доходов местного населения и поступления налогов и роялти в местные бюджеты и местным организациям. ТНК реализуют конкретные программы в области здравоохранения, образования и детского обучения, спорта, осуществляют привлечение местной рабочей силы, спонсорство культурных и общественных мероприятий, а также природоохранные инициативы (Кузнецов, 2015).

Как получить «социальную лицензию»? Проведенное недавно исследование по оценке подходов к КСО энергетических ТНК, действующих на севере Норвегии (Хаммерфест) позволило получить ряд интересных результатов, демонстрирующих расширение применения ими программ КСО (Kelman et al., 2016). Корпорации стремятся заручиться поддержкой и «социальной лицензи-

ей» местного населения и привлечь его к обсуждению социальных и экологических последствий реализации их энергетических проектов. В Норвегии спектр применяемых практик КСО крайне широк и они достаточно успешны. Так, государственная *Статойл* в построении своих отношений с местными жителями небольшого северного городка Хаммерфест (около 11 тыс. чел, в т. ч. 10% занятых в нефтегазовой промышленности) следует пяти основным принципам: эффективное освоение ресурсов, охрана природы, создание дополнительных социально-экономических возможностей для местных жителей, защита прав человека и прозрачность³⁴. Являясь оператором завода СПГ Сновит, она вносит вклад в местное экономическое развитие: все ее подрядчики обязуются приобретать товары и услуги у местных поставщиков. К примеру, местные рыболовецкие суда используются для создания региональной инфраструктуры по ликвидации разливов нефти, и тем самым оказывается поддержка местным рыболовам.

Каковы же основные результаты для населения Хаммерфеста от разработки *Статойлом* нефтегазового богатства? Дополнительные финансовые поступления в местный бюджет дали возможность городской администрации инновационно обустроить центр города, построить культурный центр *Arktisk Kultursenter* с фантастической акустикой, а также современные и комфортабельные детские сады и школы. Созданы новые рабочие места, возросла занятость: люди, ранее искавшие работу в других городах, начали возвращаться в родные места. Вместе с тем возникли и новые проблемы – увеличилось расслоение и неравенство между жителя-

ми, относительно меньшее внимание стало уделяться развитию других отраслей промышленности, главный акцент теперь делается на финансовом состоянии, социальном статусе и материальных ценностях. В некоторых интервью с местными респондентами, которые в целом вполне удовлетворены новым качеством жизни, указывается, что теперь стало неприличным и «социально неприемлемым» критиковать нефтегазовую промышленность, поскольку она принесла крупные блага местному населению. С другой стороны, жители продолжают ожидать от нефтегазового бизнеса, получающего огромные доходы, предоставления все новых и новых социально-экономических выгод.

На фоне роста популярности достаточно непростой для практической реализации концепции устойчивого развития (УР) в мировом научном сообществе продолжается активная дискуссия относительно возможных путей совершенствования системы управления в этой области. Среди различных подходов последних лет особый интерес, с точки зрения обеспечения устойчивости в условиях изменяющейся Арктики, могут представить *полицентризм* и *адаптационное управление* сложными трансформирующимися системами. Они основаны на формировании полицентричного институционального дизайна для УР, а именно децентрализованного и многоуровневого управления при участии в нем различных групп стейкхолдеров (государство, бизнес, население, неправительственные организации, агентства, фонды и финансовые организации), представляющих местный, региональный, национальный, междуна-

34 Statoil. Sustainability report 2015. 2016.

родный уровни; ТНК занимают важное место среди них. При этом предполагается тесное взаимодействие и партнерство между ними для согласования действий по достижению коллективных целей, что крайне важно для устойчивости трансформирующегося арктического региона. Подобные базовые принципы диверсификации лежат в основе схем институциональных решений для сложных комплексных проблем и взаимосвязки экологических, социальных и экономических приоритетов УР. Предполагается, что новые системы адапционного управления могут содействовать повышению эффективности и гибкости институциональных структур и принимаемых решений различных уровней. Они базируются прежде всего на инновационных теоретических построениях Е. Остром (Ostrom, 2010a; 2010b), получившей в 2009 г. Нобелевскую премию по экономике. Встраивание элементов гибкости и маневренности в институциональные системы управления, обычно основывающиеся на совокупности формальных и неформальных правил и норм (North, 1991), позволяет стейкхолдерам оперативно реагировать на ожидаемые и непредвиденные последствия изменений, а также дает возможность выбора опций в ответ на возможные «сюрпризы» трансформаций. Инклюзивность (Pouw, Gupta, 2017) в развитии регионов, учет интересов и приоритетов местных стейкхолдеров одновременно способствует адаптивности арктических институтов – как национальных, так и международных. Последние результаты исследований ведущего американского ученого О. Янга и его европейских коллег в области институционального измерения глобальных экологических изменений (Young, 2017; Kanie, Biermann, 2017; Oberthur, Stokke, 2011) показывают, что, с учетом динамики экологических и социально-экономических трансформаций в Арктике, системы управле-

ния здесь должны быть особо гибкими для того, чтобы учесть будущие вызовы и неопределенности. Поскольку экологические, социально-экономические и политические драйверы изменений в Арктике тесно взаимосвязаны, адаптация в регионе будет находиться под усиливающимся влиянием глобальных рынков, инвестиционных потоков и мировой политики (Young, 2005; Berkman, Vylegzhanin, 2012). А последствия взаимодействия трансформаций в природных и общественных системах станут главным фактором при формировании в перспективе адапционных институциональных режимов для Арктики.

Список литературы

- Иванов И.С. (ред.). (2013). *Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества*. Т. 3. Москва: Аспект Пресс. 663.
- Кузнецов А.В. (2016). Особенности анализа географии зарубежных инвестиций транснациональных корпораций. *Балтийский Регион*, (3). 30-44. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-3-2
- Кузнецов А.В. (2015). Корпоративное волонтерство в странах ЕС. *Международные процессы*, 13 (4).99-107. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.7
- Никитина Е.Н. (2017). Международное сотрудничество в снижении рисков природных бедствий в Арктике: Проблемы адаптации к последствиям климатических изменений. Верескун А.В., Жданенко И.В. (ред.). *Глобальные и национальные стратегии управления рисками катастроф и стихийных бедствий*. Москва: МЧС России. 85-92.
- Никитина Е. [и др.]. (2015). Принципы устойчивого развития нефтегазовой промышленности в Арктике: Ответственность бизнеса перед местным населением и природой. *Арктические Ведомости*, 3 (14). 60-74.

Симония Н.А. (ред.). (2011). *Арктика: Интересы России. Энергетика – Экология*. Москва: ИНЭК Пресс. 186.

Berkman P.A., Vylegzhanin A.N. (eds.). (2013). *Environmental security in the Arctic Ocean*. The Netherlands: Springer. 443.

Birkmann J., K. von Teichman K. (2010). Integrating disaster risk reduction and climate change adaptation: Key challenges – scales, knowledge and norms. *Sustainability Science*, 5 (2). 171-184. DOI: 10.1007/s11625-010-0108-y

Climate Change. Impacts, Adaptation and Vulnerability. Part B: Regional Aspects. Polar Regions. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the IPCC. (2014). Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press. 1612.

Fjellheim R., Henriksen J. (2006). Oil and Gas Exploration on Arctic Indigenous Peoples' Territories: Human Rights, International Law and Corporate Social Responsibility. *Journal of Indigenous Peoples Rights*, (4). 8-40.

Kanie N., Biermann F. (eds.). (2017). *Governing through Goals: Sustainable Development Goals as Governance Innovation*. Cambridge, MA: MIT Press, 352.

Kelman I. [et al.]. (2016). Local Perceptions of Corporate Social Responsibility for Arctic Petroleum in the Barents Region. *Arctic Review on Law and Politics*, 7 (2). 152-178. DOI: 10.17585/arctic.v7. 418

North D. (1991). Institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 5 (1). 97-112.

Oberthur S., Stokke O.S., (eds.). (2011). *Managing Institutional Complexity: Regime Interplay and Global Environmental Change*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 353.

Ostrom E. (2010a). Polycentric systems for coping with collective action and global environmental change. *Global Environmental Change*, 20 (4). 550-557.

Ostrom E. (2010b). Beyond markets and states: polycentric governance of complex economic systems. *American Econom-*

ic Review, (100). 641-672. DOI: 10.1257/aer.100.3.641

Pahl-Wostl C. [et al.]. (2012). From applying panaceas to mastering complexity: Toward adaptive water governance in river basins. *Environmental Science and Policy*, (23). 24-34.

Pouw N., Gupta J. (eds.). (2017). Sustainability Science: Inclusive Development. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, (24). 1-108.

Young O.R. (2005). Governing the Arctic: From Cold War Theater to Mosaic of Cooperation, *Global Governance*, 11 (1). 9-15.

Young O.R. (2017). *Governing complex systems. Social Capital for the Anthropocene*. Cambridge, Mass.; London: The MIT Press. 279.

References

Berkman P.A., Vylegzhanin A.N. (eds.). (2013). *Environmental security in the Arctic Ocean*. The Netherlands: Springer. 443.

Birkmann J., K. von Teichman K. (2010). Integrating disaster risk reduction and climate change adaptation: Key challenges – scales, knowledge and norms. *Sustainability Science*, 5 (2). 171-184. DOI: 10.1007/s11625-010-0108-y

Climate Change. Impacts, Adaptation and Vulnerability. Part B: Regional Aspects. Polar Regions. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the IPCC. (2014). Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press. 1612.

Fjellheim R., Henriksen J. (2006). Oil and Gas Exploration on Arctic Indigenous Peoples' Territories: Human Rights, International Law and Corporate Social Responsibility. *Journal of Indigenous Peoples Rights*, (4). 8-40.

Ivanov I.S. (ed.). (2013). *The Arctic Region. The problems of international cooperation*. Vol.3. Moskva: Aspekt Press. 663.

Kanie N., Biermann F. (eds.). (2017). *Governing through Goals: Sustainable De-*

velopment Goals as Governance Innovation. Cambridge, MA: MIT Press, 352.

Kelman I. [et al.]. (2016). Local Perceptions of Corporate Social Responsibility for Arctic Petroleum in the Barents Region. *Arctic Review on Law and Politics*, 7 (2). 152-178. DOI: 10.17585/arctic.v7.418

Kuznetsov A.V. (2015). Corporate Volunteering in the EU Countries. *Mezhdunarodnye protsessy*, 13 (4). 99-107. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.7

Kuznetsov A.V. (2016). Framework for the Analysis of Geography of Transnational Corporations Investments Abroad. *Baltiskii Region*, (3). 30-44. DOI: 10.5922/2074-9848-2016-3-2

Nikitina E. [et al.]. (2015). Principles of sustainable development of the oil and gas industry in the Arctic: The responsibility of business to the local population and nature. *Arkticheskie Vedomosti*, 3 (14). 60-74.

Nikitina E.N. (2017). International cooperation in reducing the risks of natural disasters in the Arctic: Problems of adaptation to the effects of climate change. Vereskun A.V., Zhdanenko I.V. (eds.). *Global and national strategies for managing disaster and natural disasters*. Moskva: MChS Rossii. 85-92.

North D. (1991). Institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 5 (1). 97-112.

Oberthur S., Stokke O.S., (eds.). (2011).

Managing Institutional Complexity: Regime Interplay and Global Environmental Change. Cambridge, MA: Harvard University Press, 353.

Ostrom E. (2010a). Polycentric systems for coping with collective action and global environmental change. *Global Environmental Change*, 20 (4). 550-557.

Ostrom E. (2010b). Beyond markets and states: polycentric governance of complex economic systems. *American Economic Review*, (100). 641-672. DOI: 10.1257/aer.100.3.641

Pahl-Wostl C. [et al.]. (2012). From applying panaceas to mastering complexity: Toward adaptive water governance in river basins. *Environmental Science and Policy*, (23). 24-34.

Pouw N., Gupta J. (eds.). (2017). Sustainability Science: Inclusive Development. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, (24). 1-108.

Simoniya N.A. (ed.). (2011). *Arctic: Interests of Russia*. Energy – Ecology. Moskva: INEK Press. 186.

Young O.R. (2005). Governing the Arctic: From Cold War Theater to Mosaic of Cooperation, *Global Governance*, 11 (1). 9-15.

Young O.R. (2017). *Governing complex systems*. *Social Capital for the Anthropocene*. Cambridge, Mass.; London: The MIT Press. 279.

Информация об авторе

Елена Николаевна Никитина, кандидат экономических наук, заведующая сектором глобальных экономических проблем, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
elenanikitina@bk.ru

About the Author

Elena N. Nikitina, Cand. Sci. (Econ.), Head of the Section for the Global Economic Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
elenanikitina@bk.ru